

"Обратили ли вы внимание, как составляются новые рекламы? С каждым днём их тон делается всё более и более серьёзнее".

Тэффи, 1911 год

ГРАНЬ ВЕКОВ. Тектонические сдвиги. Эволюция или всё-таки революция? "Вдыхая запах 'roudie Simon', влюбляясь в розы Аткинсона", — эстетно пропел Андрей Белый, невзначай рекламируя сразу две фирмы, торгующие "красотой" и возможностями: Joseph Simon и Atkinsons. Позади железный и здраво-мслящий XIX век, впереди — странное, пугающее XX столетие. Европа упоённо танцует, праздный люд наслаждается певичкой Иветт Жильбер и её "chansons de fin de siècle". Слава Сары Бернар в зените, публика рукоплещет молодым атлетам, появляются и исчезают новые журналы, гремят международные выставки. Ошеломлённый обыватель не успевает следить за всевозможными открытиями и восторгается чудесами техники. Размеренность уходящего века, к ужасу престарелых дам и к восторгу столичной молодёжи, взры-

рами, так и остались в сознании профанов, как творцы изысканных афиш, этикеток и обёрток для зефира в шоколаде. Я не случайно вспомнила о roudie Simon и white roses of Atkinsons — всё было пропитано этими актуальными, разрекламированными ароматами; весь путь оказывался усеян пригласительными и зазываю-щими листками. "Как навязать своё имя толпе, чтобы оно преследовало её и в бане и во сне, в самые тихие минуты бытия? Все эти вопросы и составляют область сложной науки, которая называется рекламой и явля-ется, как известно из всех объявлений, "главным дви-гателем торговли", — иронически изрёк Саша Чёрный.

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина представляет выставку француз-

простым средством для заработка и возможностью жить и работать в Париже — "столице граций". Себя же он мыслит создателем пафосных полотен, свя-занных с волновавшей его темой панславизма. Он был настолько увлечён вопросом славянского един-ства и противостояния тевтоно-прусской гегемонии, что в годы гитлеровского "протектората Богемии и Моравии" художник попал в списки неблагонадёж-ных, допрашивался офицерами гестапо и умер, не выдержав нагрузок. Впрочем, от пневмонии. В воз-расте семидесяти восьми лет.

Такая судьба-мощь-пламень и — хорошенькие ви-ньетки. Написав двадцать монументальных картин ("Славяне на прародине", "Симеон, царь Болгарии",

УПОИТЕЛЬНАЯ БАНАЛЬНОСТЬ

О выставке «Афишемания» в Пушкинском музее

"Проповедь Яна Гуса", "Отмена крепостного права на Руси" и др.), он всё равно памятен своими "Византий-скими головками" в придурливых коронах, "Зодиакон" да Cycles Perfecta — плакатом, выполненным по за-казу производителя велосипедов. Любителем Аль-фонса Мухи на выставке "Афишемания" будет что по-смотреть — здесь представлены почти все его знаковые иллюстрации. Особого внимания заслужи-вает сотрудничество с примой номер один — Сарой Бернар, чья слава не померкла по сию пору. И ныне говорят разочарованно: "М-да, не Сара Бернар!.." Имя нарицательно! Актриса вызывала у современников смешанные чувства — особенно у тех, кто с ней рабо-тал. Она требовала каких-то немислимых афиш для "себя-прекрасной!", и только Муха сумел ей потратит, изобразив тонкую фигуру Бернар на афишах к пьесам "Жисмонда", "Лоренцаччо", "Дама с камелиями" и "Гамлет", где уже немолодая богиня сцены (ей пере-валило за пятьдесят!) сыграла вовсе не Гертруду и даже не Офелию, но самого принца Датского. В те годы любой "гендерный" апатаж рождал бурю нева и продолжительные аплодисменты. Афиши, нарисован-ные Альфонсом Мухой, — это поразительная точность форм, соединённая с буйством линий. Здесь же его "Времена года" — пожалуй, самый расстриженный ный его шедевр: четыре вальжные дамы, слегка и небрежно прикрытые цветами, снегами и драпиров-ками, являють нам смену сезонов. Другая его узнавае-мая вещь — "Монако. Монте-Карло", с не менее вос-хитительной фигурой, оплётённой неведомыми, но явно экзотичными растениями.

Противоположная стихия — Анри де Тулуз-Лотрек, с его порочными танцовщицами и пикантно-девиант-ными певичками, среди которых именитый аристократ чувствовал себя претолчню. Сама эпоха манила к аб-сенту и грязноватому закулисью варьете: граф-художник отдавал предпочтение таким сомнительным музам и заказчицам, как Жанна Авриль. Исполни-тельница канкана обладала какой-то нечеловеческой гиб-костью и маниакальной страстью к прыжкам — её считали нездоровой психически, что имело под собой основание — в юности Авриль пребывала в сумас-шедшем доме и (потрясающее переплетение судеб!) сам доктор Жан Шарко проводил её лечение. Нога в чёр-ном чулке, задираемая выше, чем это позволено хо-мо сапиенсу, рыжие кудри, пена кружев — когда-то они привлекали потасканых бонвиванов, сейчас почему-то манят любителей искусств. Никогда не уга-даешь, что станет классикой! Однако мадемуазель слыла миловидной, а Лотрек придавал её смазливому

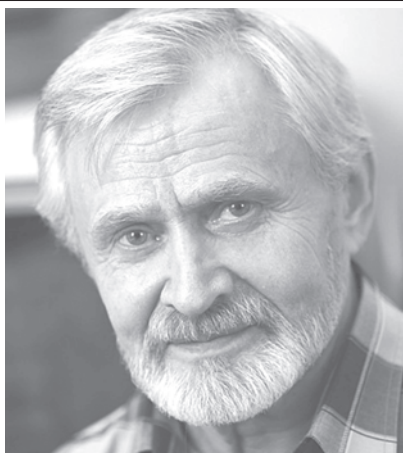
лицу зловеще-скорбное выражение — вполне соответ-ствовавшее его личному настрою. Афиши звали не только в "Мулен Руж" или ещё какой развесёлый бала-ганчик попроще, но и в музей, на концерт или поэтиче-ский вечер. Вот реклама салона гравюр, выполненная ещё одним славянином (Альфонс Муха тут не один!) Яном Мирославом Пешке. Это настоящий живопис-ный шедевр постимпрессионизма, где печаль со-звучна ожиданию новизны.

Совсем иначе видел мир Жюль Шере. Его афиша Ледового дворца на Елисейских полях — гимн свежес-ти и здоровью. Очаровательная девица расскачет на коньках, не забывая кокетливо улыбаться. Хотя, точно такая же принцесса-грёза нарисована для рекламы аперитива "Quinquina Dubonnet", и если Муха был ро-мантичен, Тулуз-Лотрек — насмешливо-мрачен, то Жюль Шере — это неиссякаемый источник позитива. Его героиня, румяная, с полными плечами и тонкой та-лией, порхала с плаката на плакат — то в бокале, то на велосипеде. Можно заметить, что образ красоти на велосипеде сделался очень модным в те годы. И — предосудительным, ибо в процессе катания дама по-казывала свои ноги. "Женщина или девушка на ве-лосипеде — это ужасно!" — восклицание чеховского героя полностью отражает мнение флистера о дам-ском велодосуге. На выставке ряд афиш и реклам по-свящёны спорту и тогда новейшим высокотехнологи-чным шинам, которые, по уверению производителей, должны были служить едва ли не целую вечность. Ве-лосипеды рекламируются разными способами — на одном из плакатов продукцию Cleveland представляет североамериканский индеец, выписанный со всеми атрибутами в виде перьев, мокасин и боевой раскра-ски. Посыл ясен — даже дикие (а в сознании тогдаш-него европейца коренной житель Америки являл со-бой нечто архаическое) может управлять столь разумным механизмом.

Эпоха открытий, патентов, изобретений вызвала к жизни бесконечное множество объявлений и заметок рекламного свойства. Антон Чехов издевался в своём рассказике "Реклама": "Нет более пожаров! Огнегаси-тельные средства Бабаева и Гардена составляют славу нашего времени", — и советовал обмывать ими вспыхивавших людей и несчастливо влюблённых. И если нас бесит очередная телевизионная вставка с "невъязимо-ореховым пралине" и "обворожительно-бодрающим кофе", то какие-то 120 лет назад всех до-ставляли "мгновенные эффекты отбеливающего кре-ма от мсы Жака" и "новейшие методы игры на фортели-ано", буквально заполнявшие прессу. Это сейчас мы тихо умиляемся, глядя на рисунок Мориса Пийгара-Вернея, где ренессансная дива в характерном платье с буфами одной рукой придерживает земной шар, а второй — указывает в сторону сияющего неба. Всё это счастье именуется "Зубная паста доктора Пьера". Как же над подобной "патетикой" измысливы журнальные остроусловы в 1895 году!

Какие мысли возникали при виде картинки Лео-нетто Каппелло, предвещающей юмористическую га-зету "Le Frou-Frou", где было куда как больше скабрез-ностей, нежели юмора? Фру-фру — так называли отличительный шорох дамских юбок при сильном — и специально! — покачивании бёдрами. (Вспомнили лошадь Вронского? Так герой Льва Толстого был ис-ключительный пошляк.) На афише — типичная обита-тельница полусвета, предлагающая оценить юмор в "Le Frou-Frou". Вот — иная плоскость. Спокойные ри-сунки Теофиля-Александра Стемпелена... "Натураль-ное стерилизованное молоко" — пейте его дети, бу-дете здоровы. Также из области цивилизационных новаций, которые приходилось внедрять, в том числе с помощью симпатичных плакатов. И риторический во-прос: не будет ли через сто лет наша раздражающая реклама шоколадных батончиков и стиральных по-рошков чем-то вроде шедевра? Той самой упоитель-ной банальностью.

Галина ИВАНКИНА

«ОТТОЛКНУВШИСЬ НОГОЙ ОТ УРАЛА...»

Памяти художника
Василия
ДРАНИШНИКОВА

ВНОЧЬ с 3 на 4 апреля 2019 года скоропостижно скончался друг нашей газеты, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств, пред-седатель секции станковой графики Василий Васильевич Дранишников.

Уроженец северного Урала, города Чердынь, художник Дранишников был верен двум главным темам своей жизни: теме малой родины и теме Москвы, которую он увидел, будучи студентом, и полюбил на всю жизнь.

Ему принадлежит одна из самых пронзительных серий о Великой Оте-чественной войне. Его литографии наполнены тревогой и решимостью. На одном из листов — дирижабли на фоне храма Василия Блаженного, который будто встал в один строй с защитниками Москвы.

Графические листы серии, посвя-щённые малой родине и выполнен-ные простым карандашом, льют бо-жественный свет чистоты и любви. Серебро карандаша его листов от-крывало все малые и большие вы-ставки Союза художников.

Любое сообщество писателей, му-зыкантов, художников требует ли-дера, каким и был, собственно, Васи-лий Дранишников. Одного его взгляда, который был удивительно похож на взгляд героя исторической картины Василия Сурикова "Утро стрелецкой казни", хватало, чтобы утихомирить разбушевавшихся твор-цов. Василий Васильевич стоял у руля нашего корабля — сообщество графиков с самого начала трудных 90-х и не покидал этот пост до конца.

В свете наших будней нам так и не хватило времени, чтобы выразить свою любовь, да и просто поблагода-рить этого прекрасного души человека.

Товарищи по цеху,
сотрудники и читатели
газеты "ЗАВТРА"

«Яуза в Медведково». Худож-ник Василий ДРАНИШНИКОВ

«ЗЕМЛЯ – ЭТО СЛОЖНО»

К 40-летию со дня гибели Леонида БЫКОВА

11 АПРЕЛЯ 1979 года, на 51-м году своей жизни, погиб один из самых светлых героев советского кино. Человек, "которого любили все". Ну, почти все. Леонид Фёдорович Быков. Да и как было такого не любить? Целое тёплое море обаяния, мягкого юмора и неукротимой энергии. Стоило лишь раз увидеть и услышать его на экране, чтобы запомнить навсегда и ни с кем больше не спутать.

Два, наверное, главных образа, соз-данных Леонидом Быковым и разде-лённых почти двумя десятилетиями лет: Максим Перепелица, простой парень из послевоенного советского украинского села — и "Маэстро" Алексей Титаренко, боевой офицер, Герой Советского Со-юза, отец-командир "поющей" эскадри-льи истребителей. Был — вернее, мог быть — ещё и третий, но...

"МАКСИМ ПЕРЕПЕЛИЦА", снятый на студии "Ленфильм", вышел на экраны Со-ветского Союза 9 января 1956 года. Бу-кально накануне хрущёвской оттепели, когда уже один за другим отключались си-стемы жизнеобеспечения и двигатели ста-линской "красной машины", но она по инерции ещё продолжала стремительное движение вперёд и вверх, — движение, которому, казалось, не будет конца. В Кремле тогда восво укреплялась команда "дорогого Никиты Сергеевича", всё украин-ское официально входило в моду, включая вышиванки; только что отремели мас-штабные, на всю страну, торжества по случаю 300-летия Переяславской Рады, Крым уже передали в состав СССР.

Так что фильм был на ту пору очень "трендовый" и, возможно, поэтому ока-зался в центре весьма непривычного для советского кинематографа скандала. Речь идёт о фильме "Солдат Иван Бров-кин", который снимался на Киностудии имени М. Горького — его премьера со-стоялась даже на несколько месяцев раньше "Максима Перепелицы", 9 сентя-бря 1955 года. Конечно, послевоенный сталинский период "мапофильма" уже остался в прошлом, но когда в плановой экономике одновременно снимаются две картины практически на один и тот же сюжет — это может быть чем угодно, только не случайным совпадением. Кто, почему и с какой целью так "гнал" фильм о русском парне Иване Бровкине (в глав-ной роли — Леонид Харитонов) вместо фильма об украинском парне Максиме Перепелице (в главной роли — Леонид Быков), что за этим стояло — сегодня можно лишь гадать.

На удивление, советские зрители тех лет очень тепло приняли обе картины: "Бровкина" в прокате посмотрело больше 40 миллионов человек, "Перепелицу" — чуть меньше 28 миллионов, и даль-ше личных конфликтов этому скандалу зайти не дали. Да и те пригасили до минимума. "На выходе" получилось так, что автору сценария "Бровкина" Георгию Мдивани, который работал в кино и театре ещё с 20-х годов, якобы пришлось принести дис-танционные (по телефону) извинения сво-ему молодому коллеге Ивану Стаднику, автору повести и сценария фильма про Максима Перепелицу.

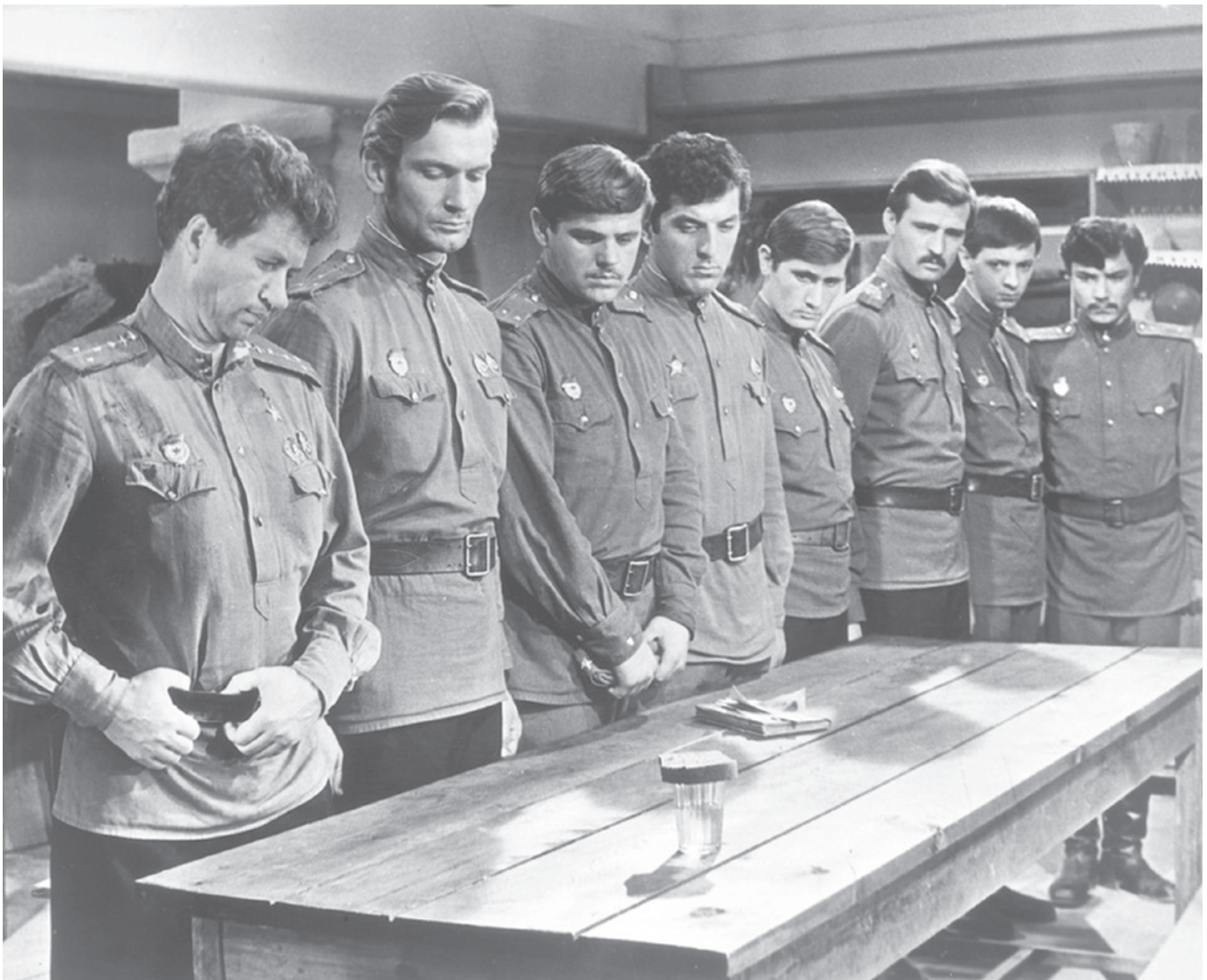
Для лучшего понимания ситуации: Советская армия тех лет, как могла, по-могла "Максиму Перепелице": в сьём-ках были задействованы не только но-вейшие тогда образцы стрелкового ору-жия, включая автомат Калашникова,

но и тяжёлая техника, вплоть до тан-ков, самолётов и съёмок парашютного десанта. Ничем подобным в "Бровкине" даже не пахло — там можно было уви-деть разве что пару пушек да артилле-рийских тягачей...

Может возникнуть законный вопрос: а, собственно, какое отношение имеют все эти околичностные подробности лично к Леониду Быкову и к его дальнейшей жиз-ненной и творческой судьбе? 27-летний тогда актёр Харьковского государствен-ного академического украинского театра имени Т.Г. Шевченко в первой для себя главной кинойроле просто делал своё дело — и делал его, как всегда, как уме-л, то есть — замечательно. Сейчас "Максим Перепелица" смотрится, словно красивая сказка — да он и снимался именно в каче-стве сказки, вернее — былички: почти как "Вечера на хуторе близ Диканьки", только без всякой мистики и в советском анту-раже. Практически в гоголевских местах — в селе Савинцы Миргородского района Полтавской области.

В роли юноши 17-18 лет, со всеми психологическими "маркерами" этого воз-раста, Быков выглядит более чем гармо-нично и естественно — точно так же, как 37-летний Георгий Вицин в роли деда Мусия. И сразу получил всеобщее при-знание как типаж героя нового поколе-ния: за "Перепелицу" последовали глав-ные или "почти главные" роли в кинофильмах "Рядом с нами" ("Лен-фильм", 1957) и "Добровольцы" (Киносту-дия им. М. Горького, 1958), а также пере-езд из Харькова в Ленинград, где "Ленфильмом" руководил "крестный отец" Быкова в кино Фридрих Эрмлер, в прошлом — кадровый чекист 20-х годов, четырежды лауреат Сталинской премии и создатель "Великого гражданина", по-сле 1956 года надолго как будто выпав-шего из истории отечественного кино-искусства, поскольку считался "апологией сталинских репрессий 1937 года".

В ЛЕНИНГРАДЕ Быков очень много работал, снимался в фильмах "Алёши-на любовь" ("Мосфильм", 1960), "Осторож-но, бабушка!" ("Ленфильм", 1960). "На семи ветрах" (Киностудия им. М. Горького, 1962) и других — на этот примерно деся-тилетний период приходится больше по-ловины сыгранных им ролей. Но — с ошущимым, почти 20-месячным пере-рывом почти посередине. В 1964 году Лео-нид Фёдорович впервые утверждает-ся режиссёром фильма "Зайчик" ("Лен-фильм"), где одновременно играет глав-ную роль — "маленького человека", ко-торый перед лицом скорой смерти пытается стать самим собой, словом и делом полу-чить к своей "смешной" фамилии полно-правные "имя (кстати, не Акакий, а Лев) и отчество". В 1963 году фильм "Берегись автомобиля!" (Быков пробовался на глав-ную роль Юрия Деточкина, которую в итоге получил Иннокентий Смоктунов-ский) со сходной проблематикой стал, как любят выражаться, "культовым хитом". Но "Зайчик" вышел в прокат только в мае 1965 года и — поскольку власть вместе с политической конъюнктурой в стране успели поменяться, — несмотря на 25-миллионную аудиторию, подвергся до-статочно жёсткой публичной критике, что привело всеобщего любимца Быкова к инфаркту. В неполных 38 лет. Как пел Владимир Высоцкий: "Задержимся на цифре 37..."

Кадр из фильма Леонида БЫКОВА «В бой идут одни старики»

Восстанавливался Быков от этого удара достаточно долго и тяжело. В 1966 году сыграл эпизодическую роль в фильме "В городе С.", а в 1967 году — оз-вучил роль механика Осадного в фильме "Хроника пикирующего бомбардиро-вщика", оба — киностудия "Ленфильм". Впрочем, в июле 1967 года, на 70-м году жизни, умирает Фридрих Эрмлер — и, ви-димое, после этого Быков оказывается в какой-то пустоте, вакууме. Но к нему спе-шат гонцы из киевской Киностудии имени А.П. Довженко, предлагают достаточно большую (второй герой) роль Сашка Ма-каренко в фильме "Разведчики" (вышел в прокат 19 мая 1969 года, аудитория — 35 миллионов человек), приглашают жить и работать в столице Украины. После успеха "Разведчиков" Быков принимает это предложение и переезжает с берегов Невы на берега Днепра.

В фильме "Счастье Анны" (1970) он сыграл далеко не самую "форматную" роль командира продютера, и только в 1971 году получил возможность снова в одном лице стать режиссёром и глав-ным героем фильма — снова "социаль-ной комедии" "Где вы, рыцари?". Прыжки с парашютом — отсылка к "Максиму Пе-репелице", дуэль на рапирах — к "Бере-гись автомобиля!", и таких отсылок там ещё несколько. А тех же "Стариков..." можно рассматривать как авторский ва-риант "Хроники пикирующего бомбард-ировщика"... Что это? Почему раз за раз-ом Быков возвращается к одним и тем же изобразительным средствам? Это ограничение его творческой фанта-зии или какой-то особый "код", который он каждый раз пытается "вскрыть" и терпит неудачу, тем не менее каждый раз ещё на шаг или полшага приближа-ясь к разгадке?

В 1973 году, кажется, все звёзды наконец-то сходятся в нужном месте в нужное время, и он начинает снимать свой шедевр "В бой идут одни старики!". Автор сценария — Леонид Быков. Главный ре-жиссёр — Леонид Быков. В главной роли — Леонид Быков. Говорить об этой ленте можно почти бесконечно: очень многое о ней уже сказано, и куда больше будет сказано ещё. Несомненно, она должна входить — какие критерии ни бери — в любые варианты "лучшей де-сятки" фильмов советской эпохи.

В этом вершинном своём фильме Лео-ниду Фёдоровичу удалось совместить даже не две из трёх, а целые три из четы-рёх историй: любви, войны и ожиданий. Неужели можно сделать ещё больше?

Следующая работа Быкова "Аты-баты, шли солдаты..." (Киностудия имени А.П. Довженко, 1976), по повести Бориса Васи-льева — автора, уже вознесённого на вер-шины всеобщей популярности благо-даря экранзации другой его повести, "А зори здесь тихие..." (Киностудия имени М. Горького, 1972, 66 млн. зрителей), при всех художественных достоинствах и по-пулярности этого фильма, чья аудитория составила почти 36 млн. человек, была шагом или даже полшагом, но всё-таки назад. Для нового разбега и прыжка?

УЖЕ НЕ ПОМНЮ ТОЧНО, когда это было — наверное, всё-таки в начале 1979-го или даже в конце 1978 года, но, ка-жется, точно до гибели Быкова, — по про-грамме украинского телевидения показали небольшой отрывок из новой картины, ко-торую он начал снимать. Её жанр был определён как "фантастическая комедия", а литературной основой сценария стала опубликованная в ряде номеров "Литта-зеты" 1974 года на 16-й полосе ("Клуб 12

ступень» внешне непритязательная и "шут-точная" повесть Евгения Шатко "Прише-лец-73"... Зато никогда не забыть то вну-треннее потрясение, которое довелось испытать в те минуты — как будто в сплошном безвыходном лабиринте на-шего мира была прорублена какая-то не-сухая вся эта конструкция стена. Ещё совсем чуть-чуть, сквозь это крохотное от-верстие ещё нельзя было пройти, но уже можно было — УВИДЕТЬ. Не рай дальней планеты Рюм (планета Плюм в фильме "Кин-дза-дза" недавно ушедшего из жизни Георгия Данелии — явно из той же звёзд-ной или даже планетной системы), но не-кую иную мерность нашей здешней жизни: для чего мы живём, как наши поступки, словом и делом, отражаются в зеркале Вселенной, изменяя всю её или, как при-ято говорить сегодня, "квантово связан-ные" с нашим "Я" локусы. Такие, напри-мер, как Ефим Тишкин и Глоус (латынь?). Ту мерность, которая после гибели Бы-кова, увы, полностью "улетучилась" из этого фильма, переснятого другими авто-рами и получившего прокатное название "Звёздная командировка".

Там было очевидное НЕ ТО. И с тех пор я задаюсь вопросом, без всякой "ми-стики": не была ли автокатастрофа на 46-м километре трассы Киев — Минск 40 лет назад, как и другие странности вокруг Леонида Фёдоровича, которые последние годы его жизни творились с ним самим и его семьёй, своего рода реакция "храни-телей Лабиринта", кем бы они ни были, на почти удавшуюся попытку указать выход из него? Как говорил сам Быков в роли Глоуса: "Земля — это очень сложно". На-верное, мы даже не представляем себе, насколько.

Георгий СУДОВЦЕВ

В новом номере (1 (67)) журнала "Избор-ский клуб" можно по-знакомиться с темой "Мифология Русской мечты". Эту тему об-суждали члены и экс-перты Изборского клуба на круглом столе, материалы которого вошли в журнал.

Группа экспертов под руководством Александра Нагорного представила до-клад "2018: движение вверх... или нет? Заметки по итогам ушедшего года для мира и России". Авторы заявляют: "По-пытаемся выделить "первую десятку", вернее, две "первые пятёрки": для мира и для нашей страны, — самых важных событий и тенденций, которые во многом будут определять дальнейшее развитие ситуации".

Сергей Глазьев в своей работе говорит "О дисфункциях государственной си-стемы управления".

На тему "Цифровая оккупации" рассуж-дает Игорь Ашманов в беседе с Дми-трием Тараном: "Проблему информаци-онной безопасности надо разделить на две части. Во-первых, это кибер- или электронная безопасность, связанная с безопасным функционированием про-граммного обеспечения, устройств, кана-лов. Здесь основные угрозы — сетевые атаки, "закладки", взломы, вирусы, троя-ны, ботнеты и прочие. А вторая часть — это собственно информационная безо-пасность, связанная с воздействием на сознание, с безопасным функциониро-ванием умов. С точки зрения кибербезо-пасности Россия, как и большинство стран мира, уже давно представляет со-бой цифровую колонию США. Но по сравнению с другими государствами у нас положение лучше, поскольку всё-таки есть много своих разработок и техно-логий".

В номере также представлены статьи Михаила Делгина "Человек-трансфор-мер", Елены Лариной и Владимира Ов-чинского "Климат — судный день?", Алексея Анпилогова "Новые "тёмные века", Юрия Тавровского "Компартия Ки-тая: создание новой цивилизации".

Рубрика "Стихия" знакомит с подбо-ркой произведений русских поэтов о мечте.

Справки по телефону 8-985-256-91-24.

Иван ЧИГИРИН "Сталин. Болезни и смерть. Документы". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Яков СЕМЁНОВ "Жизнь без черновика. Воспоминания полковника КГБ СССР". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Книга Джамбулата УМАРОВА "Фактор КРА. Прямостояние". Справки по телефону: 8-985-256-91-24